

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2012

Университет Дмитрия Пожарского

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2012 год

Проблемы эллинизма
и образования Боспорского царства

Ответственные редакторы тома
А.В. ПОДОСИНОВ и О.Л. ГАБЕЛКО

Университет Дмитрия Пожарского
Москва
2014

УДК 94(4) “04/14”
ББК 63.3(5)
Д73

*Печатается по решению Ученого совета ИВИ РАН,
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского*

Рецензенты:

Доктор исторических наук *А.А. Масленников*
Кандидат исторических наук *Е.В. Ляпустина*

Редакционная коллегия:

Доктор исторических наук *Е.А. Мельникова* (ответственный редактор)
Кандидат исторических наук *А.С. Щавелёв* (ответственный секретарь)

Кандидат исторических наук *Г.В. Глазырина*
Доктор исторических наук *Т.Н. Джаксон*
Доктор исторических наук *И.Г. Коновалова*
Кандидат филологических наук *В.И. Матузова*
Доктор исторических наук *А.В. Назаренко*
Доктор исторических наук *А.В. Подосинов*
Доктор исторических наук *Л.В. Столярова*

Д73 Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Отв. ред. тома А.В. Подосинов и О.Л. Габелко; отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. — 400 с.

ISBN 978-5-91244-118-9
ISSN 1560-1382

Очередной том серии «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен проблемам образования Боспорского царства, основанного древними греками на берегах Керченского пролива, а также общим и специальным проблемам эллинизма. Эти два круга проблем тесно связаны друг с другом, более того, вопрос возникновения на Боспоре отношений эллинистического характера является одним из самых спорных в историографии. История Боспорского царства, которое, просуществовав более 1000 лет, является уникальным в истории Европы античного периода, исследуется в томе на базе широкого привлечения археологических, эпиграфических, нумизматических и литературных источников. Коренные вопросы генезиса и развития эллинизма — предмет рассмотрения статей второй части тома, каждая из которых представляет новый взгляд на этот феномен греческой истории.

Книга будет интересна для специалистов по истории античности, в особенности эллинистического периода, для археологов, эпиграфистов и историков Северного Причерноморья.

**УДК 94(4) “04/14”
ББК63.3(5)**

ISBN 978-5-91244-118-9
ISSN 1560-1382

© Коллектив авторов, текст, 2014
© Институт всеобщей истории РАН, 2014
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014

Памяти Хайнца Хайнена (1941–2013)

Стандартная для начала некролога фраза «Мировая наука понесла тяжелую утрату...» меньше всего приходит в голову, когда полностью соответствует действительности. Может быть, в естествознании или социально-экономических дисциплинах дело обстоит иначе, но в нашей отрасли знания вклад человека в науку плохо поддается описанию отвлеченными словами; он неотделим от самого человека, и то, каким был этот вклад, зависит от того, каким был сам этот человек. Исследователь историографии античности, Хайнц Хайнен превосходно это понимал: вспоминается его рассказ о начинающем теологе Вернере Хуссе, который, оставив по личным причинам мысли о сане, решил тем не менее избрать гуманитарную специальность, по возможности близкую ветхозаветной истории, и услышал от Г. Бенгтсона, что единственное еще «не занятое» его ученика-

ми более или менее «околобиблейское» место – это птолемеевский Египет; мне этот рассказ превосходно объяснил такую черту работ Хусса, как настойчивое использование термина «церковь» применительно к религиозной жизни государства Птолемеев. Для наших соотечественников память о скончавшемся недавно Хайнце Хайнене будет прежде всего памятью о человеке, а не о его работах, при всем уважении к ним: вряд ли может быть иначе в силу его давней любви к российской антиковедческой школе и той щедрой готовности помочь своими знаниями и практическими делами, которая известна многим из нас.

Хайнц Хайнен родился 14 сентября 1941 г. в Санкт-Вите (Сен-Вите) — небольшом городке на востоке Бельгии. Этот городок был частью округа Эйпен-Мальмеди с преобладающим немецким населением, переданного Бельгии Германией по условиям Версальского мира. Родина Х. Хайнена лежит сравнительно недалеко от Трира, где прошла большая часть его жизни ученого и преподавателя, и, как и Трир, входит в широкое и скорее объединяющее, чем разделяющее людей пограничье между Германией, с одной стороны, и Францией и Нидерландами, в средневековом смысле этого названия, с другой. Одним из первых сознательных воспоминаний Хайнена стало Арденнское контрнаступление, затронувшее и его родной город. Естественно, что, учась в бельгийской школе (сначала в Народной школе, а затем в Епископальном училище Санкт-Вита), он стал свободно говорить по-французски; однако уже в школьные годы он изучал классические языки и, может быть, чуть позже начал интересоваться русским языком (как он рассказал, в юности ему хотелось понять суть разногласий, приведших к «холодной войне», познакомившись с тем, что пишут в советских газетах). В 1959–1964 гг. Х. Хайнен специализируется по древней истории в Католическом университете Лувена, а в 1964/65 г., при поддержке стипендии Германской службы академического обмена (как позднее и многие его гости из России, включая автора этих строк), попадает в Тюбингенский университет. Наставниками Хайнена в Тюбингене становятся К.-Ф. Штроекер и Г. Бенгтсон, под руководством которого в 1966 г. он защищает диссертацию PhD «Рим и Египет в 51–47 гг. до н. э.». В этой работе обозначается его интерес к межгосударственным отношениям эпохи эллинизма и месту в них птолемеевского Египта — главной теме его исследований, связанных с государством Птолемеев. Вскоре после этого Х. Хайнен был призван в бельгийскую армию: по его рассказу, начальство, узнав об изучении им русско-

го языка, пожелало, чтобы, читая, кажется, «Красную Звезду», он установил, стоит ли за подписью ряда ее передовиц один реальный человек или сразу несколько советских пропагандистов. Едва ли эта экзегеза своеобразных текстов увенчалась большим успехом, однако несомненно, что к рубежу 1960–70-х гг. Хайнен уже читал русский текст вполне свободно. В 1968 г., после военной службы, Х. Хайнен стал сотрудником Г. Бенгтсона в Мюнхенском университете: там в 1970 г. он хабилитировал с работой «Исследования по эллинистической истории III в. до н. э.: к истории Птолемея Керавна и Хремонидовой войны», ставшей в дальнейшем его самой известной монографией по проблемам эллинизма (1972). В течение года (1970/71) он был экстраординарным профессором в университете Саарбрюкена, но вскоре его нашла работа, которая осталась с ним, по сути дела, уже до конца жизни.

В 1960-е гг. правительство ХДС, столкнувшись с переходом голосов избирателей к социал-демократам, решило повысить свою популярность, открыв ряд новых университетов. В федеральной земле Рейнланд-Пфальц началось создание технического университета в Кайзерслаутерне и университета гуманитарной специализации в Трире. Первый Трирский университет существовал с 1473 г., но в 1798 г. был закрыт присоединившими долину Мозеля французами. Университет, который в итоге был открыт в Трире в 1970 г., — совершенно новое учреждение, апеллирующее к памяти о своем предшественнике разве что на уровне символа, но не реальной преемственности. Получив в 1971 г. приглашение занять кафедру древней истории в Дюссельдорфе или в Трире, Хайнц Хайнен выбрал Трир. В 1974/75 г., по принятому в Германии ротационному принципу, он возглавлял III факультет (Fachbereich III) Трирского университета, где сосредоточено преподавание истории; он стал автором и редактором ряда трудов о Трире в древности и на рубеже средневековья (1985, 1988², 1996, 2003); однако главным его достижением стало все же создание в Трире одной из лучших в мире специализаций по греко-римскому Египту.

Если говорить о «научной родословной» Х. Хайнена, его отделяет сравнительно небольшая дистанция от зачинателей научного изучения эллинизма и, в частности, основоположников папирологии: его учитель Бенгтсон был учеником В. Отто, а тот — великого Ульриха Вилькена! Для ученого, стоявшего, по сути дела, близко к классикам этих направлений, с их ориентацией на античные источники, Хайнен обладал завидным кругозором. Наверное, не все знают, что в Тюбингене он изучал древнеегипетский язык

у крупнейшего немецкого египтолога Хельмута Бруннера, хотя в собственных исследованиях не выходил за рамки античных источников. Вместе с тем он справедливо считал, что для поколения его учеников этого недостаточно и что на том этапе развития, которого достигли и наука об эллинизме, и египтология к 1970-м гг., сам университет, создающий специализацию по птолемеевскому Египту, должен позаботиться о возможности для студентов полноценно знакомиться и с греко-македонской, и с египетской составляющими его общества и культуры.

Эффективнее всего этого можно было добиться в тесном контакте между специалистами по обоим этим направлениям. С появлением в Трире в 1977 г. кафедры египтологии, которую занял австрийский ученый Э. Винтер, ученик Г. Юнкера, совместно с ним издававший надписи греко-римского времени из храма Исиды на острове Филэ, стала реальной организация Центра по изучению греко-римского Египта (Forschungszentrum Griechisch-Römisches Ägypten). Эта структура не была административным образованием — таковыми оставались созданные в Трире профессуры по древней истории, египтологии, археологии и папирологии; скорее она была выражением очень результативного сотрудничества между ними и в исследованиях, и в подготовке студентов. Такое сотрудничество позволяло компенсировать в какой-то мере (хотя, конечно, не полностью) серьезную слабость, свойственную египтологии, — ее уклон в филологию и публикацию памятников в ущерб историческому исследованию. В работах египтологов, которыми руководил Х. Хайнен (таких, как появившиеся в 2000–2010-е гг. новая публикация Канопского декрета Ш. Пфайффером или первая полноценная публикация «Стелы сатрапа» Д. Шефер), очень легко разглядеть то, что «шло от Хайнена», — саму постановку исторических проблем, предполагающую при их решении исчерпывающий синтез египетских и античных источников. Кажется, с задачами расширения спектра исследований и специализации в Трире были связаны некоторые публикации Х. Хайнена: так, его очерк о культе римских императоров в Египте, написанный для тома 18 второй части “Aufstieg und Niedergang der römischen Welt”, можно назвать краеугольным камнем для исследований по этой проблематике, динамично развивающихся в наши дни. С уходом Хайнена с профессуры по древней истории в 2006 г. нацеленность трирских кафедр на совместную подготовку специалистов именно по греко-римскому Египту ослабла: на сегодняшний день Центр по изучению греко-римского Египта уступил место

Центру изучения древности (Zentrum für Altertumswissenschaften) с более общими задачами.

Исследовательский компонент в работе трирского Центра, проявился, в частности, в создании серии *Aegyptiaca Treverensia*, 1-м и 2-м томами которой стали на сегодняшний день уже классические издания материалов симпозиумов по птолемеевскому и римско-византийскому Египту (1978, 1983). Авторами и редакторами трудов этой серии были, в основном, египтологи и археологи, но трудно представить, что она состоялась бы без первоначального импульса, заданного изучению греко-римского Египта в Трире Х. Хайненом. В 2002 г. при участии Х. Хайнена была найдена еще одна форма научного сотрудничества на базе Трирского университета: трирские историки получили поддержку Германского исследовательского общества для создания специального исследовательского проекта по изучению взаимодействия между социумами и между различными группами внутри социумов в разные эпохи (Sonderforschungsbereich 600 “Fremdheit und Armut. Wandel von Inklusions- und Exklusionsformen von der Antike bis zur Gegenwart”; завершен в конце 2011 г.). Х. Хайнен, возглавивший одно из направлений этого проекта, видел в нем вполне определенную выгоду: предоставить своим ученикам возможность самореализации в качестве уже не студентов разных уровней, а профессиональных исследователей, работающих одной командой на временных позициях, созданных в рамках этого проекта. Мне довелось быть на стажировке в Трире летом 2002 г., и я помню, как много времени Хайнен уделял обсуждениям в своем кабинете этого общего дела с его участниками. Успех этого замысла Хайнена трудно переоценить: двое его учеников, получившие известность как раз при реализации этого проекта, на сегодняшний день сами возглавляют серьезные университетские структуры (Ш. Пфайффер — кафедру в Халле, А. Чошкун — созданный им в Университете Ватерлоо в Канаде Институт эллинистических исследований). Возглавленное Хайненом направление проекта формально было посвящено греко-римскому Египту (Teilprojekt A 1: Entstehung und Entwicklung einer multikulturellen Gesellschaft im griechisch-römischen Ägypten), однако фактически в его рамках были изданы труды, охватившие едва ли не весь спектр восточноэллинистических обществ.

Многие десятилетия не ослабевал интерес Х. Хайнена к русскоязычной историографии античности. В 1970-е гг., в рамках своей работы в Комиссии по древней истории Академии наук в Майнце,

он публикует ряд рецензий на монографии советских ученых по античному рабству. В 1980 г., в историографической серии “Erträge der Forschung”, выходит книга «История древности в зеркале советских исследований» – сборник обзоров по ряду направлений не только античной, но и древневосточной истории, написанных нашими учеными; инициатива этого издания и редакторская работа над ним принадлежали Х. Хайнену. В 1993 г. в немецком переводе Хайнена выходит второй том знаменитого труда М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор», обнаруженного в архиве русского ученого В.Ю. Зуевым. Наконец, общеизвестна роль Хайнена в подготовке издания “Pontische Studien” Ю.Г. Виноградова (1997). По-видимому, из чтения русскоязычных антиковедческих работ возник и исследовательский интерес Х. Хайнена к древней истории Северного Причерноморья, которой он посвятил множество статей и небольшую книгу «Древность у края степей: Северное Причерноморье как исследовательская задача» (2006). Именно Северное Причерноморье породило тесные научные контакты Х. Хайнена и Ю.Г. Виноградова; о роли дискуссий с Хайненом для выработки собственной исследовательской концепции говорит в предисловии к своей книге «Боспорское царство на рубеже двух эпох» (2002) С.Ю. Сапрыкин.

Все эти свершения Х. Хайнена так или иначе связаны с его интересом не только к российской науке, но и в целом к историографии, занятия которой он считал необходимыми для каждого серьезного историка древности. Для самого Хайнена, с начала его сотрудничества с Академией в Майнце в 1970-е гг., конкретным направлением историографических изысканий стало изучение античного рабства. С 2000 г. он возглавлял в Майнце посвященный этому проект, став таким образом прямым продолжателем дела Й. Фогта (последний в свое время и пригласил его к сотрудничеству с Майнцем). Именно этот проект стал главной точкой приложения сил Х. Хайнена после ухода с профессуры в Трире, в том числе в те годы, когда он уже был тяжело болен. Работу в рамках этого проекта над «Словарем античного рабства» Хайнен считал последним масштабным делом своей жизни, которому он стремился отдать свои силы до конца. Стоит сказать, что среди публикаций Х. Хайнена последних лет особое место занимает обширный очерк, посвященный исследованиям рабства в советской историографии, а также тем политико-идеологическим тенденциям, которые оказывали на него влияние (2010): электронными копиями этой работы Хайнен особенно охотно делился со своими российскими корреспондентами, похоже,

видя в ней своего рода отдачу долгу этапу развития нашей науки об античности, который совпал с его зрелыми годами и теперь принадлежит прошлому.

Академия наук в Майнце была лишь одним из целого ряда научных обществ, в которых состоял Хайнц Хайнен: он был членом Академии наук в Гёттингене, членом-корреспондентом Германского археологического института, иностранным членом Королевской Фламандской академии наук и искусств Бельгии, почетным членом Института великого герцога в Люксембурге. Числила его в своих рядах и Российская ассоциация антиковедов, и это членство не было формальным: ряд публикаций Х. Хайнена в наших изданиях и многочисленные контакты с коллегами из Москвы, Санкт-Петербурга, антиковедческих центров Поволжья сделали его настоящим членом сообщества российских исследователей древности. Безусловно, особое место среди научных обязанностей Х. Хайнена занимала работа редактора знаменитого журнала “Historia”: на этом посту он стал преемником своего учителя Г. Бенгтсона и оставался более 30 лет — с 1971 до 2003 г.

Моя собственная встреча с Х. Хайненом произошла в августе 1999 г., когда, по стипендии Германской службы академического обмена, я приехал в Трир на стажировку к его давнему коллеге Эриху Винтеру. Профессор Винтер представил меня Хайнену уже в день моего приезда, и вскоре я попросил его прочесть некоторые мои статьи, привезенные в Трир в рукописи. Обсуждение с Х. Хайненом моей первой статьи о «Стеле сатрапа» было для меня, в известном смысле, первым опытом восприятия научной критики от специалиста по моему материалу, и оно показало, насколько идеальным — тщательным и максимально доброжелательным — читателем научного текста он был; думается, что при этих качествах он был идеален и как научный руководитель, и как редактор. Советы и пожелания Хайнена касались прежде всего историографической полноты работы, которую он читал: на этом он настаивал непременно, однако был готов принять ее выводы, даже если они сильно меняли привычную для него историческую картину, — разумеется, при достаточной их обоснованности. В первом варианте моей статьи содержалась ссылка на тезис В.В. Струве о том, что неидентифицированная египетская титулатура на клепсидре из Государственного Эрмитажа, соседствующая с титулатурой царя по имени «Александр» (по мнению Струве, сына Александра Великого и Роксаны), принадлежит Птолемею и свидетельствует о принятии им царского

статуса в Египте еще при жизни сына Роксаны, до «года царей». Вовсе не отвергая такой возможности *a limine*, Хайнен посоветовал максимально, насколько позволяют египетские источники, убедиться в том, что Струве прав, учитывая ответственность вывода, следующего из его интерпретации; в дальнейшем стало ясно, что выяснение вопроса о природе этой титулатуры требует специального исследования вне рамок моей тогдашней статьи. В связи с ней же Хайнен «навел» меня на публикации Я.К. Винницкого по раннеэллинистическому Египту и однажды пришел ко мне с названием его книги о войнах Птолемеев в Сирии, изданной в Варшаве (1989). Я поблагодарил его и сказал, что не читаю по-польски. «Я с моим русским разбираю польский текст, — возразил Хайнен, — что же говорить о вас!» (Признаюсь, что в итоге так и не добрался до этой книги: в египтологической библиотеке Трира было слишком много недоступных в Москве книг на более привычных, хотя и неславянских, языках, а времени, как всегда в Германии, было слишком мало...) В 2002 г. руководителем моей новой «даадовской» стажировки в Трире был уже Хайнен, хотя в итоге его тогдашние хлопоты по организации Sonderforschungsbereich оставили совсем немного времени для нашего общения.

Разумеется, это общение не свелось только к научным материям. Не уверен, что в отличие от коллег, знавших его ближе и дольше, могу об этом точно судить; но все-таки попробую сказать об отношении Х. Хайнена к нашей стране, каким оно мне представилось. Думается, в ней он прежде всего любил и ценил науку об античности; он был очень верен своим российским коллегам и был готов помогать им — присылкой публикаций, помощью в получении стажировок и грантов, своими советами. Общаясь с ними, он иногда (очень изредка) мог вставить в свою речь русские слова: «Сначала выпьем шампанского», — сказал он по-русски перед обедом у него дома, обнаружив хорошее знание того, как превосходный немецкий *Sekt* называли бы его друзья в Москве. «Всерьез» говорить по-русски, он, как я представляю, не рисковал, хотя мог предложить своим гостям, не сильным в европейских языках, говорить с ним по-русски, только медленно. Не уверен, что Хайнен понимал по-настоящему, что происходило и происходит у нас в стране: однажды в 2002 г. он сказал, что читает «Россию в обвале» Солженицына, но вообще не слишком стремился к обсуждению, как говорится, актуальных тем. В России он, насколько я знаю, был только один раз, и когда его спрашивали о возможности новой поездки к нам, отвечал с явным

сомнением. Нельзя не сказать о том, с какой готовностью Хайнен, уже тяжелобольной, отозвался в ноябре прошлого года на просьбу коллег подписать петицию против сокращения (фактической ликвидации) бюджетного набора на отделение классической филологии Санкт-Петербургского университета. Подпись Хайнена сопровождало целое послание с характерной для него мыслью: Россия обязательно должна воспроизводить то восхищавшее его отношение к классической древности, которое было частью ее культуры и науки в дореволюционное время и сохранилось, вопреки всему, при советской власти. «К сожалению, печальная правда в том, что подобные тенденции есть и в западных странах, где недостаток уважения к собственным традициям очень моден. Но зачем России следовать этому западному течению, вместо того чтобы с гордостью развивать свое собственное культурное наследие?». Трудно сказать, насколько Хайнен сознавал степень риторичности такого вопроса при обращении к адресатам этой петиции.

После 2002 г. наши личные встречи с Хайненом уже не повторялись: мне не доводилось быть в Трире, а в Германии я оказывался слишком ненадолго или далеко от мест, где мы могли бы увидеться. В 2010 г. я узнал о его болезни; в конце 2011 г., по рассказу Ш. Пфайффера и тону писем самого Хайнена, мне показалось, что он преодолевает болезнь, но затем его письма стали печальны. В начале марта 2013 г. я написал Хайнену о смерти В.И. Кузицина. «Долгая жизнь и еще более долгая эпоха пришли к концу», — ответил он и добавил, что видит повод поразмыслить о разных аспектах этого завершения, но из-за своего состояния не может себе этого позволить. Среди научных планов, которые разрушила его болезнь, он назвал написание общих работ по истории птолемеевского Египта и Северного Причерноморья. Это письмо звучало как прощальное, и на него было трудно ответить.

Хайнц Хайнен умер в Трире 21 июня 2013 г. и через несколько дней был похоронен в своем родном городе Санкт-Вите. Его будет не хватать всем знавшим его российским исследователям древности.

И.А. Ладынин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий ежегодник посвящен проблемам, которые стали темой двух конференций, проведенных в 2012 году, — Круглого стола «Образование Боспорского государства: от полиса к царству» (Институт всеобщей истории РАН) и Российско-украинского научного симпозиума «Эллинизм: географические границы, хронологические рамки, сущностное содержание» (Российский государственный гуманитарный университет, Российская ассоциация антиковедов). Проблемы, рассматривавшиеся на этих конференциях, оказались настолько взаимосвязанными и взаимодополняющими, что возникла идея объединить материалы этих конференций в рамках одного издания.

В самом деле, одной из важнейших тем на Круглом столе было рассмотрение особенностей развития государственности на Боспоре в рамках теории «предэллинизма» (или «протоэллинизма»), которое предполагает понимание того, что представлял собой сам эллинизм, а это и было предметом обсуждения на конференции по эллинизму. Время и обстоятельства «вхождения» Боспорского царства в систему эллинистических государств также активно дискутируются среди историков Боспора. Понимание «географических границ, хронологических рамок и сущностного содержания» эллинизма оказывает существенную помощь в понимании политогенеза в Северном Причерноморье.

Редакторы тома благодарят всех участников этих конференций за предоставление статей, написанных по материалам их выступлений, и надеются, что публикуемые здесь работы дадут импульс к дальнейшему плодотворному исследованию указанных проблем.

Этот том мы посвящаем памяти нашего коллеги и друга Хайнца Хайнена, которого связывали со многими авторами этого тома тесные узы сотрудничества и дружбы и для которого темы истории Северного Причерноморья и эллинизма были одними из главных в научном творчестве.

О.Л. Габелко, А.В. Подосинов

И. Проблемы образования Боспорского царства

ВВЕДЕНИЕ

19–21 апреля 2012 г. в центре «Восточная Европа в античном и средневековом мире» Института всеобщей истории РАН проходили XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто на тему «Миграции, расселение, война как факторы политогенеза». В рамках этих Чтений был организован и проведен «круглый стол» на тему «Образование Боспорского государства: от полиса к царству».

К участию в круглом столе были приглашены ведущие историки — авторы специальных работ по истории Боспора в античности: на заседании присутствовали Ю.А. Виноградов (Отдел истории античной культуры ИИМК РАН, СПб.), О.Л. Габелко (РГГУ), Л.И. Грацианская (РГГУ), А.А. Завойкин (ИА РАН), А.А. Масленников (ИА РАН), Е.А. Молев (Нижегородский государственный университет), А.В. Подосинов (ИВИ РАН), А.В. Сазанов (МГУ), С.Ю. Сапрыкин (МГУ), М.В. Скржинская (Институт археологии НАН Украины), И.Е. Суриков (ИВИ РАН), Н.Ф. Федосеев (Керченский историко-культурный заповедник), Н.Б. Чурекова (Институт археологии и культурного наследия Саратовского университета), Ф.В. Шелов-Коведяев (Российский общественно-политический центр).

К круглому столу были опубликованы тезисы выступлений большей части участников¹. Доклады не зачитывались — каждый участник заранее ознакомился с позицией других участников. Кроме того, заранее был разослан список вопросов, подлежащих обсуждению, — все участники призывались высказать свое мнение по наиболее дискуссионным вопросам:

- насколько развита была полисная организация вновь образуемых колоний на берегах Керченского пролива в начале колонизации, существовала ли у них уже развитая форма демократии, способная противостоять захвату власти тиранами (или долго сохранять свои полисные свободы в условиях тирании), или

¹ См.: Восточная Европа в древности и средневековье: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. М., 2012. С. 286–329.

она была в столь зачаточном состоянии, что легко могла переродиться в тиранию;

- как проходил процесс их объединения в одно государственное образование — мирно или насильственно, через оборонительный союз-симмахию и амификтионию, эсимнетию=«выборную тиранию» или как-то еще;
- что означают слова Диодора о том, что Спарток получил власть «в Азии», могла ли первой столицей Боспора быть Гермонасса или «в Азии» означает просто «на Востоке»;
- каков был механизм трансформации полиса в тиранию и/или монархию при Археанактидах (правили 42 года с 480/479 г.) и Спартокидах (с 438/437 г.)
- есть ли разница между государственным устройством при Археанактидах и Спартокидах;
- каков был характер новой надполисной государственной власти — родовая олигархия, тирания, монархия, наследственная монархия, эсимнетия, полисная тирания, территориальная монархия при сохранении определенных полисных традиций, тирания, перерастающая в монархию, или что-то еще;
- что стало с полисными институтами — потеря всех полномочий, сохранение их части;
- какова связь этой трансформации с так называемым «кризисом полиса», был ли он на Боспоре и, если да, то каковы его причины и последствия;
- какую роль сыграли в этой трансформации персидско-боспорские отношения (Ахемениды и Боспор, ахеменидские печати, найденные на Боспоре, и другая символика) (ср. высказывания: «развитие Боспорского государства проходило под контролем Ахеменидов»; «приход к власти Спартокидов осуществился не без помощи персидской державы»);
- что послужило главным стимулом этой трансформации — внешняя военная угроза или закономерности внутреннего развития; что означают следы разрушений на поселениях и усиление фортификационного строительства — агрессивную политику Пантикапея или угрозу варварских нападений;
- есть ли типологически общие черты такой трансформации на Боспоре и в других греческих центрах в доэллинистический период (Старшая и Младшая тирании, особенно, сицилийская держава Дионисия Старшего);
- можно ли говорить о периоде «протоэллинизма» («предэлли-

низма») на Боспоре (2 четверть IV — 300 г. до н. э.) в связи с дефиницией эллинизма (начало 330 г.) в целом;

- что общего в эллинистических монархиях и на раннем (пред-эллинистическом) Боспоре, например, кризис полиса, греко-варварский характер государства, синтез двух культур, монархический строй, институт соправительства, сведение функций полиса до муниципального уровня, существование царской хоры, градостроительная деятельность и т. д.;
- каковы принципиальные отличия боспорской модели государственного устройства от эллинистической;
- носит ли сходство в этих двух моделях типологический или чисто внешний характер из-за различия в генезисе и эволюции этих моделей;
- когда же на Боспоре наступает настоящий эллинизм — только при Митридате или принципы организации центральной власти не претерпевают принципиальной перестройки на эллинистических основах;
- каковы причины стабильности установившейся формы правления — «боспорского феномена» — талантливость и пассионарность боспорских правителей, отсутствие вмешательства извне, как было в Старших тираниях, погибших от этого, насильственное объединение, которое устойчивее добровольного, или баланс, найденный между монархической властью и полисами.

Несмотря на то, что далеко не все из поставленных вопросов смогли найти свое решение, прошедший круглый стол показал актуальность заявленной проблемы и обнажил «болевы точки» в ее изучении. В ходе работы «круглого стола» (заседание длилось почти пять часов) представилась уникальная возможность в живом диалоге сопоставить различные точки зрения и, возможно, продвинуться в решении важных для античной истории Восточной Европы проблем политогенеза. Дискуссия была записана на диктофон с целью последующей ее публикации. К сожалению, аудиозапись выступлений участников круглого стола оказалась некачественной, поэтому планируемая публикация ее стала невозможна, в связи с чем участникам мероприятия было предложено подготовить полноценные научные работы по заявленной проблеме. Большинство участников круглого стола ответили согласием; в настоящем сборнике публикуются статьи Ю.А. Виноградова, А.А. Завойкина, Е.А. Молева, А.В. Подосинова, С.Ю. Сапрыкина, И.Е. Сурикова, Н.Ф. Федосеева,

Н.Б. Чурековой, Ф.В. Шелова-Коведяева, также прислали свои статьи, близкие теме круглого стола, Н.Н. Казанский и Г.Р. Цецхладзе. Некоторые статьи представляют собой расширенную версию тезисов, опубликованных к конференции, в некоторых ведется полемика с позицией, высказанной оппонентами в этих тезисах, некоторые статьи показывают знакомство авторов со статьями других авторов еще до их публикации в настоящем томе.

В своей статье в этом сборнике А.А. Завойкин пишет о круглом столе в связи с констатируемым им разнообразием мнений по большинству вопросов боспорского политогенеза следующее: «...Заслуживающая всяческого уважения и внимания попытка А.В. Подосинова преодолеть разрозненность мнений (результатом чего стало и само обсуждаемое научное мероприятие), на мой взгляд, диагностична. Она опирается не столько на более углубленный анализ источников или инновационную методикку исследования, сколько на максимально полный учет разнообразия существующих в науке представлений. В целом эта попытка, скорее, эклектична» (см. с. 21).

И в самом деле, на круглом столе отнюдь не предполагалось заново проанализировать источники — их немного, они всем хорошо известны, при этом они всеми исследователями интерпретируются по-разному, к тому же интерпретация источника — дело тонкой, кропотливой, индивидуальной кабинетной работы, требующей много времени. На круглом столе предполагалось свести вместе исследователей, потративших много сил на истолкование этих источников, и сравнить их позиции и исторические выводы в прямой и открытой дискуссии. При этом предполагалось услышать аргументацию противостоящих сторон, взвесить все *pro et contra*, увидеть слабые и сильные стороны различных теорий. В этом смысле дискуссия была вовсе не эклектична — это была манифестация существующих на сегодняшний день точек зрения с возможностью аргументировать свое мнение в очной дискуссии с другими, нащупывание болевых, нерешенных проблем и возможных путей их решения.

Думается, круглый стол выполнил свою задачу. В частности, проведенная там дискуссия вызвала к жизни весьма обстоятельную и глубокую статью самого А.А. Завойкина, публикуемую в настоящем сборнике, в которой он по материалам обсуждения приходит к выводу о необходимости внесения методологической ясности в используемую исследователями терминологию, которую он и исследует в своей статье («протоэллинизм», «морнархия», «Боспор», «держава Спартокидов», «территориальное государство», «греко-варварское

государство»). Это и явилось одним из итогов круглого стола — понимание того, что многие противоречия исследователей вызваны нечеткостью терминологического аппарата, ими используемого.

Отмечу, кстати, что материалы круглого стола стали уже предметом анализа одного из участников дискуссии, который также отметил, что «точки зрения авторов по проблеме формирования боспорской государственности значительно сблизились, и, следовательно, дискуссия была полезной и плодотворной»².

Еще раз хотел бы выразить благодарность участникам круглого стола и авторам присланных статей, а также надежду на прогресс в изучении образования Боспорского государства.

Модератор круглого стола
А.В. Подосинов

² *Молев Е.А.* Некоторые итоги дискуссии о проблеме образования Боспорского царства // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12: Из истории античности и Нового времени. Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 171.

А.А. Завойкин

ОБРАЗОВАНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА:
ОТ ПОЛИСА К ЦАРСТВУ
(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИСКУССИИ)*

Аннотация: В основе статьи лежат материалы дискуссии, проходившей за «круглым столом» (в рамках конференции «Восточная Европа в античном и средневековом мире», Москва, 19.04.2012). Автор считает, что для плодотворного изучения политического строя Боспорского государства необходимо достичь договоренности в основной терминологии и опираться на обоснованную историческую периодизацию. Он сосредоточил свое внимание на анализе ряда ключевых терминов («прото-эллинизм», «монархия», «Боспор», «держава Спартокидов»; «территориальное государство»; «греко-варварское государство»). Была предложена дробная периодизация истории Боспорского государства от Археанактидов до Митридата Евпатора. Центральное место в рассмотрении изучаемой темы занимает вопрос о соотношении власти тиранов и полиса.

Ключевые слова: Киммерийский Боспор, государство Спартокидов, полис, эллинизм, олигархия, тирания, монархия, типология, терминология, периодизация

Abstract: At the heart of the paper lie materials of the discussion which was passing for «a round table» (within the limits of conference «The Eastern Europe in the Ancient and Medieval World», Moscow, 4/19/2012). The author considers that for productive studying of a political system of the Bosporan state it is necessary to reach an agreement in the basic terminology and to be based on a well-founded historical periodization. He has concentrated the attention to the analysis of some key terms (“proto-Hellenism”, “monarchy”, “Bosporos”, “the

* Работа выполнена по программе Президиума РАН «Нации и государство в мировой истории. 3. Возникновение, эволюция и типология государственности в мировой истории».

state of the Spartokids”»; «the territorial state»; «the Greek-barbarian state»). The fractional periodization of history of the Bosporan state from the Archaeanaktids to Mithridates Eupator has been offered. The central place in consideration of a studied theme occupies the question on a correlation of the power of tyrants and the status of the polis.

Key words: Kimmerios Bosporos, the state of the Spartokids, the polis, Hellenism, oligarchy, tyranny, a monarchy, typology, terminology, periodisation

С благодарностью принимая предложение организаторов «круглого стола», посвященного проблемам генезиса Боспорского государства, — предоставить более развернутый, чем в «Материалах», текст (см. Предисловие), должен отметить два обстоятельства: во-первых, что все наиболее существенное, что я мог сказать по этой важнейшей для меня теме, уже опубликовано¹ или же дожидается публикации²; а во-вторых, что сам ход дискуссии во время нашего заседания побуждает к обсуждению ряда вопросов, существенных для понимания как достигнутого уровня наших исследований государственности раннего Боспора, так и для попыток наметить их перспективы. Трудно в данном случае претендовать на исчерпыва-

¹ Например, см.: *Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. 4. С. 150–180; *он же.* Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. 4. С. 103–111; *он же.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы. Автореф. дисс. ...д-ра ист. наук. М., 2007. С. 1–54; *он же.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор / Н.А. Гаврилюк, А.А. Масленников (ред.). Москва; Киев; Запорожье, 2007. С. 219–243; *он же.* Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н. э.) (Глава 1) // Античное наследие Кубани. Т. II. Часть VIII: Политическая история Азиатского Боспора / Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов (ред.). М., 2010. С. 13–75; *он же.* Были ли Археанактиды «царями Киммерийского Боспора» (*Diod.* XII. 31, 1)? (к периодизации становления «территориального» Боспорского государства) // Эмбатерион. Сб. научных статей по искусствоведению, филологии и истории / В.П. Яйленко (ред.). М., 2011. С. 291–299. Даже текст моего доклада для «круглого стола» опубликован практически в полном объеме (*Завойкин А.А.* Боспорская монархия: проблемы периодизации // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 288–298).

² Наиболее полно мои представления изложены в диссертации, переработанная рукопись которой («Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов») издана в 2013 г. в Симферополе и Керчи.

ющую полноту, но сама постановка этих вопросов представляется оправданной.

За основу для рассуждений я принял материалы (теперь большей частью опубликованные участниками дискуссии³) «круглого стола» и свои заметки к ним, предварявшие мой собственный доклад. По сути каждый исследователь представил свою систему взглядов на поставленные вопросы⁴. Взгляды эти в основном сложились уже сравнительно давно⁵ и отражают авторский, оригинальный комплекс представлений о предмете. Эти разнообразные представления вполне «уживаются» в рамках современной историографии. Иными словами, существующее разнообразие мнений, предполагающее острую научную дискуссию, вроде бы, должно стимулировать выработку некоей «обобщающей концепции», в которой учтены сильные стороны различных мнений и преодолены их слабости. Одна-

³ Не опубликован доклад С.Ю. Сапрыкина «Тирания на Боспоре и градостроительство». Поэтому использую (с разрешения автора текста) рукопись доклада, предоставленную участникам круглого стола его организатором, А.В. Подосиновым. Обсуждаемый на «круглом столе» доклад самого А.В. Подосинова был опубликован им в материалах предыдущих XXIII Чтений (*Подосинов А.В.* Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2011. С. 224–232). Для XXIV Чтений им представлены тезисы иного содержания (*Подосинов А.В.* Геополитические факторы образования Боспорского царства // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 286–288.).

⁴ Пожалуй, только А.В. Подосинов попытался предложить некую «синтетическую модель», которая опирается на анализ существующих мнений по ключевым вопросам проблемы генезиса и эволюции Боспорского государства, приходя в итоге к оригинальному и спорному или, как сам он выражается, «провокационному» выводу, далеко выходящему за рамки боспорской истории.

⁵ Новаторский характер имеет работа И.Е. Сурикова (*Суриков И.Е.* Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 311–315), который, впрочем, приходит к заключениям, в чем-то близким (отнюдь не идентичным) старой точке зрения В.В. Шкорпила об аристократическом характере правления Археанактидов: аристократы — *ἀνακτες* — захватили власть в Пантикапее ввиду варварской опасности; «эти *цари* властвовали, по нашему мнению, не по очереди, а одновременно»; в то же время, исходя из словоупотребления Диодора (XII. 31, 1; etc.), Шкорпил считал, что Археанактидов следует считать либо царями, либо тиранами, а в 438 г. единоличную власть получил Спарток, быть может, один из Археанактидов (*Шкорпил В.В.* Археанактиды // ИТУАК. 1918. 54. С. 56–59).

ко ход дискуссии «за круглым столом» убеждает в том, что конвергентная стадия в историографическом процессе еще не достигнута⁶. Очевидно, что здесь имеются причины как объективного, так и субъективного свойства. В числе первых, безусловно, самая важная — в целом довольно скудная — и сильно «фрагментированная» источниковая база, в особенности, данных литературной традиции и эпиграфики⁷. Нумизматические памятники исключительно важны, но их значение, по моему мнению, остается недооцененным. Материалы археологии гораздо более массовы, но чрезвычайно трудны (неоднозначны) для их осмысления в качестве источника по интересующей нас теме. Этот косвенный источник может быть привлечен только при глобальном охвате категорий или групп памятников. Вне системного анализа, привлекаемый только для иллюстрирования априорных предположений, — он бесполезен⁸.

* * *

Изначально научная дискуссия предполагает договоренность в терминологии, иначе она бесплодна. Коснусь некоторых существенных, на мой взгляд, понятий.

«Протоэллинизм». Мне это определение принципиально не нравится, оно нетерминологично (сродни выражению: «мышка — это то, что за печкой скребется»). В заключительной части своих тезисов И.Е. Суриков написал: «Для нас эллинизм — явление, имеющее отношение прежде всего не к этническим или культурным процессам, а именно к политогенезу. Для нас это в первую очередь время, когда совершился переход “от гражданина к подданному”, от мира,

⁶ В этом плане заслуживающая всяческого уважения и внимания попытка А.В. Подосинова преодолеть разрозненность мнений (результатом чего стало и само обсуждаемое научное мероприятие), на мой взгляд, диагностична. Она опирается не столько на более углубленный анализ источников или инновационную методику исследования, сколько на максимально полный учет разнообразия существующих в науке представлений. В целом эта попытка, скорее, эклектична.

⁷ Именно отрывочность редких литературных свидетельств открывает простор для многовариантности их интерпретации. Показательно, что ключевой и «стартовый» для нашей темы отрывок Диодора о переходе власти от Археанактидов к Спартокидам (*Diod.* XII. 31, 1), казалось бы, исследованный вдоль и поперек, дает пищу для очень различных толкований текста (см. ниже). Выработать «общей платформы» пока никак не удается.

⁸ Не хочется говорить о случаях, когда он вреден, только создает иллюзию того, что тот или иной вопрос уже решен и опирается на серьезную фактическую базу.

где доминировали суверенные республиканские полисы, к миру, где доминировали крупные монархические государства. В этом плане и разговор о протоэллинизме имеет полный резон (перечисленные процессы уже всюду шли в IV в. до н. э.), и Боспор оказывается в авангарде этого движения»⁹. С такой постановкой вопроса в принципе можно согласиться (если не упускать из виду качественный рубеж, который приходится на конец этого столетия). Однако почему прямо не говорить о монархических тенденциях в историческом развитии античного общества, которые реализовались в полной мере в эллинистическую эпоху? А.В. Подосинов предлагает рассматривать Боспор Спартокидов или даже Археанактидов в качестве «эллинистической или, если угодно, “прото-эллинистической” монархии»¹⁰. В этой связи уместно вспомнить любопытное размышление И.Е. Сурикова о типологии боспорской тирании: необыкновенно поздняя Старшая или необыкновенно ранняя Младшая?¹¹ Примечательно, что в новой своей работе этот исследователь приходит к заключению, что политический режим Археанактидов представлял собою крайнюю форму олигархии («династию» в аристотелевом значении — *Arist. Pol.* 1292b5 sqq.; 1293a30 sqq.), «олигархию одного рода»¹². Можно ли, таким образом, считать, что И.Е. Сурикову удалось (в рамках его доказательной системы) поставить боспорскую тиранию (Спартокидов) в разряд ординарных младших тираний?¹³ (Если так — следует говорить о «кризисе полиса». Зачем, в таком случае, другой «термин», прото-эллинизм?). Однако вопрос о стадияльно-типологической оценке И.Е. Сурикова «в связи

⁹ Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. С. 314.

¹⁰ Подосинов А.В. Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству. С. 224–232.

¹¹ Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадияльно-типологический контекст // Из истории античного общества. 9–10 / А.В. Махлаюк (ред.). Нижний Новгород, 2007. С. 143 слл. Исследователь приходит к однозначному для него выводу: в стадияльно-типологическом плане боспорская тирания принадлежит феномену Старшей тирании.

¹² Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. С. 314: «Таким образом, — резюмирует автор, — приходится констатировать, что события 438/437 г. до н. э. в Пантикапее были не банальным переворотом, а фактом, имеющим самое прямое отношение к процессу политогенеза: впервые установилась монархия в форме тирании». (Здесь и всюду далее курсив мой. — А.З.)

¹³ Один из руководящих принципов исследователя — понять боспорскую реальность в общегреческом контексте, отрицая «феноменальность» Боспора, о которой так часто любят говорить. Мне такой подход очень близок, поскольку указанный термин нередко лишь маскирует недостаточное знание предмета.

с вновь открывшимися обстоятельствами» адресуем самому исследователю¹⁴. Мне же кажется, что эта интересная тема заслуживает еще более пристального изучения. В любом случае трудно предполагать, что боспорские полисы в последней трети V в. до н. э. были столь отсталыми (пройдя полуторавековой путь развития), что политические процессы, которые в них протекали, были близки раннеархаической стадии, характеризующейся становлением полисных институтов и часто — Старшими тираниями.

Любопытно, каким образом к этому вопросу подошла Н.Б. Чурекова, обсуждая типологию И.Е. Сурикова. Она выделяет четыре этапа боспорской тирании, из которых «первый — правление Археанактидов; второй — Спартока и его сына (?) Селевка; третий — Спартокидов (Левконидов (?)), начиная с Сатира и до Спартока III, которым был официально принят царский титул...». Исследовательница считает, что «первый этап действительно во многом сходен с периодом Старшей тирании и типологически должен быть отнесен именно к ней. Второй период, как это ни странно, еще менее освещен источниками и, вероятно, может представлять собой переходный период от Старшей тирании Археанактидов к Младшей тирании Спартокидов¹⁵. Кстати, именно отсутствие такого перехода и смущало И.Е. Сурикова¹⁶. Следующий же этап, несомненно, связан с Младшей тиранией, и прямые аналогии этому мы по-прежнему видим в режиме Дионисия»¹⁷. Обращает на себя внимание категоричность суждения о типологической принадлежности тирании Археанактидов — первых Спартокидов — при совершенном отсутствии позитивных источников (как мы видели, И.Е. Суриков с

¹⁴ Предполагаю, что в целом его оценка политического режима Спартокидов как Старшей тирании остается неизменной.

¹⁵ Между прочим, не стоит, исходя только из фракийского имени Спарток, а priori отказывать основателю династии в аристократическом происхождении (на чем я, разумеется, не настаиваю). Допустимо, например, предполагать ксенические связи или даже родство с фракийским царским домом. Что же касается размышлений о том, кем был Спарток I, в том числе довольно остроумных, они остаются не более чем догадками. Об этом см.: *Васильев А.Н.* Одриский династ во главе Боспора? // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 1999. С. 106–111; *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 151, примеч. 27. — *А.З.*

¹⁶ *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 145.

¹⁷ *Чурекова Н.Б.* Еще раз к проблеме боспорской тирании // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 324.

легкостью и обоснованно поставил под сомнение сам тиранический характер власти Археанактидов). Собственно, то же самое мы должны сказать и о власти первых Спартокидов, Спартока I и Селевка¹⁸, с той только разницей, что нам они известны по именам и длительности их правления (для Селевка, впрочем, не все так ясно), а также то, что их наследники были тиранами. Только со времен Сатира I (возможно, не с самого начала его правления) появляется информация в источниках. Но молчание источников вовсе не повод объявлять время правления Спартока I — Селевка той самой «интерлюдией» («часто демократической»!)¹⁹, которой, по мнению Н.Б. Чурековой, не хватало И.Е. Сурикову для признания боспорской тирании Младшей. Здесь, как мне кажется, все проще: мало кого интересовали тираны отдельного полиса на самом краю ойкумены, и совсем другое дело (для афинян в особенности) — правители государства, объединившего практически весь регион, откуда вывозилась значительная часть (до половины всего экспорта Афин во времена Демосфена (*Dem.* XX. 30–32))²⁰ столь важного для продовольственного снабжения Греции зерна. Тем не менее исследовательница права, выделяя два — (второй и третий) принципиальных этапа в развитии боспорской тирании. Абстрагируясь от типологии, суть этих этапов можно выразить так: пантикапейская тирания и тирания боспорская (см. ниже).

«Монархия». Для взаимопонимания исследователям в первую очередь следует договориться о значении этого понятия. Для С.Ю. Сапрыкина, например, монархия и тирания принципиально различные вещи²¹. Он считает, что «монархия» — это, по сути, синоним эл-

¹⁸ Селевк, между прочим, был кем угодно, только не сыном основателя династии. Об этом подробно: *Завойкин А.А.* Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1996–1997 гг. / А.В. Подосинов (ред.). М., 1999. С. 142–157.

¹⁹ *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 145.

²⁰ Демосфен называет Левкона I κύριος боспорского хлеба.

²¹ *Сапрыкин С.Ю.* Тирания на Боспоре и градостроительство. С. 1–6 (рукопись доклада, предоставленная к XXIV Чтениям памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, М., 2012). По его мнению, основные признаки боспорской тирании таковы: «1. *Архонтство* — пантикапейские тираны до середины III в. до н. э. именовались “архонтами Боспора и Феодосии”, что подразумевало полисный характер власти и земельной собственности (под Боспором понимались эллинические полисы); 2. одновременно они называли себя “царями синдо-меотских племен” — это традиция, свойственная отношениям “властитель — варвары”, так как последние, особенно синды и меоты, привыкли считать правителей царями, но это не дает основания отрицать *полисное*

линистической царской власти. А поскольку исследователь заранее убежден, что эллинизм на Боспоре утверждается только с приходом к власти Митридата Евпатора, то даже официальное принятие (и признание!) царского титула Спартоком, сыном Евмела, в начале

землевание как основу существования государства; 3. насильственный союз городов — характерная черта полисной тирании, в особенности на периферии (Южная Италия, Сицилия, Гераклея Понтийская); 4. *проксеническая деятельность, пошлины и монополия на хлебную торговлю* — это не имело отношения к царской собственности, так как регулировалось полисным законодательством от имени тиранов и их сыновей; 5. *наследственная власть* — особенность полисных тираний в Сиракузах, Коринфе, Афинах, Гераклея Понтийской; 6. *полисные институты*: Народное собрание и полисное (пантикапейское) гражданство — обязательные атрибуты полисной тирании, как правило, ужимавшиеся тиранами; 7. *развитие градостроительства и обустройство хоры*. Эти признаки не дают оснований для характеристики власти Археанактидов и Спартокидов как наследственной монархии и говорить о том, что они обладали царской хорой».

Удивительно, что из всех названных признаков лишь некоторые (из них отдельные — отчасти) могут быть названы характеристическими. Некоторые признаки вообще не имеют отношения к вопросу. Благоустройство городов и территорий в высшей степени свойственно не только тираниям, но и эллинистическим монархиям (об усилиях Спартокидов в этом направлении мы вообще ничего не знаем). Полисные институты сохраняются в том или ином виде и в полисах, входивших в состав эллинистических государств (судить об этих институтах на Боспоре почти невозможно, помимо предположения, которое разделяют не все исследователи, — о наличии народного собрания в Пантикапее — сказать по сути нечего; подробно см.: *Завойкин А.А.* Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе. С. 219–243). Эллинистические цари тоже передавали свою власть по наследству. Таможенные сборы на ввозимые — вывозимые товары устанавливались как демократическими полисами, так и единоличными правителями (Спартокиды узурпировали право ателии). «Насильственным союзом городов» можно назвать, к примеру, и I Афинский морской союз (а вот о Боспоре IV в. до н. э. едва ли можно говорить как о каком-то «союзе», разве что как о «союзе коня и всадника»); это были, в основном, отношения полиса-завоевателя (Пантикапея, которым единолично правили Спартокиды) и завоеванных полисов). Что касается «самоназвания» боспорских тиранов. Если мы говорим о ранних Спартокидах (поздние — со Спартока III, официально принявшего царский титул), они себя *сами* никак не называли, только по имени и отчеству, в документах за пределами Боспора иногда именовались с указанием «пантикапеец» (КБН 37). Датировочная формула «архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, торетами, etc.» использовалась исключительно в посвянительных (божествам) надписях. Это была официальная, по-ахеменидски пышная (*Тохтасьев С.Р.* Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 2001. С. 164) титулатура правителей, так сказать, для внутреннего пользования. Ничего подобного в греческом мире мы не знаем. «Архонство» здесь ровным счетом ничего не «подразумевает» в плане земельной собственности. И уж вовсе не ясно, каким образом «привычка» варваров к царской власти может служить

III в. до н. э.²² для С.Ю. Сапрыкина — одна только фикция, которая ничего не изменила в государственном устройстве Боспора²³. Отчасти лишь соглашаясь с последним утверждением²⁴, я принципиально расхожусь с ученым в оценке самого этого устройства. По моему мнению, Боспор *уже* был по сути государством монархическим, поскольку со времен Сатира I (по крайней мере)²⁵ здесь утверждается *единоличная* (т. е. монархическая) наследственная²⁶ власть. Монархия (исходя из самого значения этого слова) и есть *единоличная* власть, а конкретные исторические её формы могут быть различными в разных местах и в разные эпохи, с официальным царским

подтверждением тому, что полисное землевладение было основой существования государства. Непонятно, с кем С.Ю. Сапрыкин в данном случае дискутирует? Его оппоненты мне неизвестны. Однако признание того факта, что Спартокиды по праву завоевания установили царскую (и по сути, и по названию) власть над территорией некоторых варварских племен Прикубанья, дает возможность говорить о «царских» наряду с полисными.

Собственно говоря, никто не спорит и с тем, что (монархическая по сути) власть Спартокидов была тиранической по своей конкретно-исторической форме (см.: Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. С. 314: «монархия в форме тирании»). Так же считал и Ю.Г. Виноградов (Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1983. С. 407–416). Ровно то же можно сказать, например, и о власти Дионисия Старшего. «Дуализм», тесный диалог монархии и полиса, и есть типичный признак тирании (см.: Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия. Л. 1979. С. 128 сл.), причем не только Младшей, но и Старшей (хотя и с иными историческими последствиями): ««Старшая тирания»... в известном отношении представляла собой дуализм или даже «диархию», порожденную приблизительным равновесием сил двух «центров власти»: единоличного правителя-тирана и гражданского коллектива полиса. Подобное равновесие, конечно, никогда не могло длиться вечно, и рано или поздно одна из этих сил одерживала верх, а другая вытеснялась с политического поля. Как правило, победившей стороной оказывался полис, проигравшей — тиран» (Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 155).

²² Габелко О.Л., Завойкин А.А. Еще раз о вифинско-понтийско-боспорской эре // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы конференции. Ч. I / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 2004. С. 69–74.

²³ Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. 1. С. 28.

²⁴ См.: Завойкин А.А. Боспор и эллинизм // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы конференции к 100-летию Ф.В. Уолбанка / О.Л. Габелко (ред.). Казань, 2009. С. 229–239.

²⁵ Можно предполагать (поскольку точно это неизвестно), что и тирания (?) Археанактидов могла иметь единоличный и наследственный характер (ср. однако: Суриков И.Е. Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э.). Другое дело, что их власть (во всяком случае я так считаю) не выходила (а если и выходила — то очень недалеко) за пределы одного полиса.

²⁶ Кстати, наследственность — второстепенный признак монархии.

титолом или без него. До походов Александра и утверждения после его смерти эллинистических держав (т. е. до 312 г. до н. э., на который приходится первый прецедент, и потом «парада суверенитетов» в 305 г. до н. э.) в греческом мире (Македонию мы, в данном случае, конечно, не считаем) и речи быть не могло, чтобы какой-нибудь монарх (которого, разумеется, именовали «тираном») мог себе позволить официально называться царем. Почему? А потому, что, как объясняет нам Аристотель, греки свободны по своей природе, в отличие от варваров, которые по природе рабы, — у них царская власть законна и закономерна. Так думали до наступления эллинистической эпохи...

Весьма занятно, что позиция А.В. Подосинова, можно сказать, диаметрально противоположна логике С.Ю. Сапрыкина²⁷. Для него монархия с необходимостью появляется там, где в рамках одного государства оказываются греки и варвары. Последние, по мнению исследователя, не могут принять над собой иную форму власти, кроме царской (им «были чужды демократические принципы организации политической жизни») ²⁸. А поскольку он находит ряд «типологических» сходств²⁹ в политической системе Боспора и некоторых элли-

²⁷ Подосинов А.В. Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству. С. 227–231.

²⁸ Ср. справедливое суждение Д.В. Грибанова (Проблема географических границ Боспора в период правления Левкона I // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірка наукових праць. Вип. 10 / С.І. Посохов (ред.). Харків. С. 28): «...Изменение потегстарной терминологии официального титула, очевидно, не было следствием реальных политических преобразований. Скорее оно отражало стремление Спартокидов определённым образом идеологически оформить свою власть в глазах самих боспорских греков, ведь только они и могли разобраться в тонкостях данной терминологии. Мы должны учитывать, что любой титул не только выражает реальный объём власти его владельца, но и зачастую используется в качестве определённого идеологического или пропагандистского посыла».

²⁹ Вот основные «сходные» положения (изложенные тезисно, с моими комментариями в скобках):

1. Наличие социально-политических институтов, отражающих взаимодействие эллинских и местных (восточных) начал, сочетание и синтез их идеологических и культурных достижений. (Не вполне ясно, о каких именно социально-политических институтах идет речь?).

2. Лишение полиса «права монетной чеканки (им обладал только Пантикапей) и права внешнеполитических сношений, права иметь оборонительные стены и некоторых других, при сохранении, может быть, в своей юрисдикции вопросов муниципального уровня (заметим в скобках — как в эллинистических монархиях)». (Я же должен в скобках отметить, что не всегда и не все полисы в эллинистических монархиях были лишены этих прав. Например, в царстве Агталлидов автономные полисы и монету чеканили (в основном, бронзовую), и оборонительные стены имели, и даже

нистических держав, то в конце концов приходит к выводу, будто уже в IV в. до н. э. (если не раньше, начиная с 480 г. до н. э., т. е. с Археанактидов) Боспор был «эллинистической или, если угодно, “прото-эллинистической” монархией». (Замечу в скобках, можно ли вообще удивляться тому, что разные формы монархий обнаруживают между собой некоторые черты сходства? И сразу подчеркну, что далеко не все аналогии, приведенные автором работы, такими являются, некоторые из сопоставлений скорее указывают на

представляли собственные интересы на внешнеполитической арене (разумеется, не в ущерб царю, подданные отношения к которому выражались главным образом в выплатах налогов в государственную казну; монарх же, в свою очередь, заботился о благоустройстве и украшении городов, обустройстве сельских территорий, выступал в качестве третьей стороны в земельных спорах полисов между собой и т. д. — см.: *Климов О.Ю.* Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства. СПб. 2010. С. 195–196, 204–206, 267, 347–348.)

3. Возникновение «экстерриториальной по отношению к традиционной полисной хоре “царской земли” ... а это всегда считалось признаком эллинистических государств». (Очевидно, что никакая государственная власть не может существовать без экономического базиса. Одной социальной поддержки недостаточно. Наивно было бы думать, что Спартокиды владели только личным земельным наделом, унаследованным ими от предков (в чем нас, кажется, пытается убедить С.Ю. Сапрыкин). В полном их распоряжении могли находиться земли, конфискованные у заговорщиков-изгнанников (например, *Polyaen.* VI. 9, 2: против Левкона I выступили «друзья и граждане»; *Ps.-Arr.* PPE. 77: изгнанники «из Боспора» в Феодосии). Ничто не препятствовало Спартокидам воспользоваться правом завоевателя и распорядиться частью земель покоренных полисов по своему усмотрению: поселить на этой земле наемников-ветеранов, предоставить её своим «друзьям», переселить сюда колонистов из другого полиса и т. д., — все это столь обычно для тиранических правлений, что нет даже необходимости иллюстрировать эти положения конкретными примерами. Не говоря уже о землях внеполисных, захваченных Спартокидами. Речь идет не только и даже не столько о землях, которые занимали варварские племена, подчиненные боспорским правителям (об этом см. ниже). Нет и необходимости видеть в этом явлении что-то специфически эллинистическое.

4. *Институт соправительства.* Соправительство возникает всюду, где формируется и существует единоличная или родовая (семейная) форма власти. Этот институт исторически не специфичен (см.: *Завойкин А.А.* Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. 4. С. 103–111; *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 152). Не станем же мы на этом основании утверждать, к примеру, что Котис III и его соправитель Савромат III (*КБН* 1230) правили *эллинистическим* Боспором. Но важнее, что распространенное мнение об институте соправительства на Боспоре как одной из отличительных черт его политического режима — явная передержка. Прямых и однозначных источников, подтверждающих эту гипотезу, нет. Диодору соправительство на Боспоре не было известно: он последовательно перечисляет единоличных правителей, «царствующих» здесь. «Соправительство» у Спартокидов придумал А. Шефер (*Schaefer A.* Die Regierungszeit des Königs Paerisades I von Bosporos // RhM. 1883. 38.

разительные отличия двух этих «систем», см. сноску 29). Буквально сказано так: — «... Греко-варварский симбиоз *не мог не приводить* к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа». Признаться, не очень представляю, о каком «симбиозе» (или синтезе) в области политической («социально-политической») можно говорить? Позволительно ли думать, что варварские народы, не знающие собственной государственности (по крайней мере в сколько-нибудь развитых формах) могли обогатить политический

S. 310–311), а развил эту догадку Р. Вернер (*Werner R. Die Dynastie der Spartokiden // Historia. 1955. IV. 4. S. 412 f.*), чтобы объяснить хронологическое несоответствие в датах правления Спартока II и Перисада I у Диодора (XVI. 52, 10 — Спарток II умер в 349/8 г.) и псефисмы в честь детей Левкона (*IG II², 212; Syll.³ 206; МИС 3, весна 346 г.*; см. *Schaefer A. Athenischer Volksbeschluss zu Ehren der Söhne Leukons von Bosporos // RhM. 1878. XXXIII. S. 423*), а также нестыковки в сведениях Диодора между смертью основателя правящего дома, его приемника Селевка (XII. 31,1; 36,1) и кончиной сына Спартока I, Сатира I (XIV. 93, 1). Критический разбор этих положений см.: *Завойкин А.А. Почему Диодор умолчал о кончине Селевка и воцарении Сатира, сына Спартока. С. 142–157; он же. Спарток и Перисад, дети Левкона // ПИФК. 1999. VIII. С. 176–189*. По сути, только два источника позволяют *ставить* вопрос о соправительстве на Боспоре: упомянутый афинский декрет (в котором чествуются трое сыновей Левкона I) и боспорское посвящение Фениппа (*КБН 9*) времени правления Перисада I. Хотя после ревизии последней надписи Н.С. Беловой (К находке надписи IPE, II, 8 // *СА. 1968. 3. С. 47, 50 сл., 52, рис. 5*), на мой взгляд, чтение текста и его понимание, предложенные её предшественниками, следует отвергнуть. См. также: *Васильев А.Н. Проблемы политической истории Боспора V–IV вв. до н. э. в отечественной историографии. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1985. С. 20; он же. К вопросу о соправительстве на Боспоре // Проблемы античного источниковедения / Э.Д. Фролов (ред.). М.; Л., 1986. С. 45.*

5. *Наемническая армия*. «В распоряжении архонта-царя находились также воинские контингенты, сформированные из местных племен. Их племенная верхушка пользовалась особым расположением царей, нередко входя в их ближайшее окружение, как это было и при эллинизме. Таким образом, греко-варварский симбиоз *не мог не приводить* к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа, как это и случилось на Востоке после Александра, где одной из главных особенностей государственного устройства был синтез экономических, социальных и культурных достижений Европы и Азии». (В заключительном предложении социально-политический аспект даже не упомянут. Это понятно, поскольку, во-первых, в этой области никакого «синтеза» быть не могло, а во-вторых, — никакой «трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа» на обломках державы Александра не произошло: полисы на завоеванных македонянами территориях оказались инкорпорированы в состав новых монархических держав (и претерпели определенную эволюцию по сравнению с временем, когда они входили в Ахеменидскую державу), как и варварские общины тоже. Эти эллинистические государства сформировались не из полиса. Их прототипом, генетической основой стала царская власть в Македонии (а предшественником — Персидское царство). Исключение — только держава Аггалидов, о которой О.Ю. Климов пишет следующее: «Своеобразной чертой

опыт эллинов какими-то свежими идеями или традициями? В конечном счете автор ставит под сомнение, насколько вообще правомочно рассматривать эллинизм в качестве исторического этапа в развитии античной цивилизации. В частности он пишет: «Думается, что, если и не называть “царский” период истории Боспора до эллинизма “протоэллинизмом”, то типологически это явление одного порядка с эллинизмом». Но в том-то и дело, что, если говорить о ранних Спартокидах, это период не царский, но *монархический* по сути и *тиранический* по своей конкретно-исторической природе, связанный неразрывно с кризисными чертами в жизни полиса позднеклассического времени на периферии античного мира.

Любопытнейший факт. И для А.В. Подосинова «монархия» называется *эллинистическим царством*, как и для С.Ю. Сапрыкина. Но выводы из этого — диаметрально противоположны: первый исследователь продлевает эллинизм на Боспоре в раннеклассический период, а второй — начало эллинизма на Боспоре отодвигает в самый конец собственно эллинистического периода³⁰. Второй исследователь отказывает в каком-либо сходстве государственному устройству державы Спартокидов с эллинистическими монархиями (вопреки очевидному сходству единоличной формы власти и вытекающим из этого соответствиям, а также вопреки тому, что в обоих случаях главные политические субъекты одни и те же — монархия, полис, варварские общины). Первый — обнаруживает типоло-

развития Пергамского государства явилось то, что монархическая власть выростала на основе одного полиса, который стал центром территориального роста, ее оплотом и столицей, где власть узурпировали правители, не имевшие гражданского статуса. В эллинистической истории как будто аналогичных примеров развития нет» (*Климов О.Ю.* Пергамское царство. С. 180). Кажется, все-таки правильнее было сказать, что монархическое государство развилось на основе Пергамского полиса (исторического и политического ядра государства Атталидов), но политическая традиция монархической власти выросла на другой основе и была привнесена сюда Филитером и его потомками (кстати, первые два правителя не имели официального царского титула).

Что же касается наёмничества, это социальное явление, в ранних своих проявлениях известное еще в VIII–VII вв. до н. э. («в собственно Греции наемники появляются в VII в. до н. э. и только на службе у тиранов и исчезают в VI в., вместе с падением так называемой “ранней тирании”»), особо широкое распространение получает в период кризиса полиса (*Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. С. 16, 12–13, 268–269), достигая расцвета, естественно, при единоличных правителях, располагавших значительными денежными средствами, необходимыми для содержания профессионального воинства.)

³⁰ Вопроса о финальной дате эллинизма на Боспоре в данной периодизации мне касаться не хочется.

гическое сходство даже там, где аналогии далеко не однозначны. В чем, на мой взгляд, более прав С.Ю. Сапрыкин? Он справедливо акцентирует внимание на том, что *генетически* боспорская монархия (которую он называет исключительно тиранией и, как мы видели, монархией не признает³¹) не сходна с собственно державами эллинистическими. (Некоторое внешнее сходство находим только в формировании державы Атталидов.) В одном случае она вырастает непосредственно из полиса (полисов), а во втором — царская власть (её идея, заимствованная из Македонии), так сказать, в готовом виде переносится на новые, завоеванные территории, притом что на этих территориях по большей части как полисы, так и варварские общины уже давно существуют под царской властью (при Ахеменидах и даже раньше их). Иначе говоря, С.Ю. Сапрыкин в большей степени придерживается традиционной периодизации истории, связывая государство Археанактидов и Спартокидов с двумя этапами развития общества: «В целом тирания на Боспоре, как и любая периферийная греческая тирания, прошла два этапа развития — от тирании, близкой по характеру “старшей” тирании (Археанактиды) к тирании, задачи которой в Греции выполняла так называемая “младшая тирания” (Спартокиды)»³². Таким образом, в целом это явление не выходит за границы классической эпохи. И в этом плане державу Спартокидов, начиная с Евмела, следовало бы называть не «протоэллинистической», а скорее «пост-классической»³³. Однако, как я уже отмечал, такого рода определения не кажутся мне удачными. Надеюсь, что теперь читатель согласится со мной.

В завершение этого раздела отмечу еще один примечательный момент. Мои представления о природе Боспора Спартокидов расходятся с представлениями С.Ю. Сапрыкина в терминологии и ряде отдельных положений, но концептуально совпадают (однако мой оппонент этого, кажется, не заметил). Боспор не был эллинистической державой ни до, ни после принятия её правителями царского титула. В генетическом плане — это тирания, сформировавшаяся на основе Пантикапейского полиса и объединившая под своей властью другие полисы региона. В отличие от своего оппонента я считаю,

³¹ Исследователь в принципе не видит возможности «примирить эти взаимоисключающие» понятия (Сапрыкин С.Ю. Тирания на Боспоре и градостроительство. С. 1).

³² Там же. С. 6. Ср.: Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 146.

³³ См.: Завойкин А.А. «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. 4. С. 160.

что власть боспорских правителей была единоличной (монархической), и уже в силу этого её характеристики находят определенные соответствия в других монархических государствах, включая и государства эллинистические. И нет никакой необходимости пытаться доказывать, что таких соответствий не было вовсе и быть не могло. Далее, в период эллинизма Боспор существует не в какой-то «самоизоляции», но в рамках многообразных отношений, которые связывали его с другими центрами античного мира. Следовательно, отрицать какие-либо влияния эллинистической действительности на государство Спартокидов было бы странным. Официальное принятие царского титула Спартоком III (и его признание другими государствами) в начале III в. до н. э. — несомненное свидетельство таких влияний. Вполне возможно, что не единственное. Другое дело, что эти влияния не затрагивали (насколько вообще можно судить) основ политического устройства Боспорского государства, хотя на протяжении второй половины III и II вв. до н. э., вероятно, оно претерпевает определенную эволюцию (см. ниже).

«Боспор», «держава Спартокидов», «территориальное государство». Словосочетание «территориальное государство» вызывает критику специалистов. Впервые я услышал ироническое замечание, когда представлял доклад «Боспор: территориальное государство и полис» в Санкт-Петербурге³⁴: «Разве государство вообще может существовать без территории?». В процессе обсуждения моей диссертации³⁵ И.Е. Суриков отметил: «...по ходу диссертации, начиная с ее заголовка, А.А. Завойкин пользуется выражением “территориальная держава”. Это выражение вообще прижилось в отечественной историографии (насколько можно судить, оно скалькировано с английского), но у нас есть серьезные сомнения в его корректности. Если мы постулируем какой-то феномен, существовавший в античности, мы вынуждены признать, что он как-то назывался³⁶. Какой можно подобрать греческий эквивалент для выражения “территориальная держава”? Нам такой неизвестен». Упрекал меня за такое слово-

³⁴ *Завойкин А.А.* Боспор: территориальное государство и полис // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной конф. Ч. I / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 2001. С. 22–28.

³⁵ *Завойкин А.А.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления территориальной державы.

³⁶ На мой взгляд, тезис не бесспорный. В реальности феномен «кризиса полиса» существовал и даже в определенной мере был осмыслен современниками, но само терминологическое определение — плод новейшей историографии.

употребление и С.Ю. Сапрыкин. Я же не то чтобы внял доводам моих критиков, но стал избегать подобной терминологии, предпочтя нейтральное и корректное во всех отношениях выражение «держава (ἀρχή) Спартокидов». И сейчас возвращаюсь к этому вопросу только потому, что сам же и затронул проблему терминологии.

Упомянутый мною доклад был посвящен выяснению вопроса: в каких случаях название «Боспор» употреблялось применительно к государству Спартокидов как его части (в титулатуре) или в целом (в декретах правителей, с определением «весь»), а в каких — для обозначения его столицы, Пантикапея. Такой подход позволил и поразмышлять о происхождении названия государства. Выводы были предложены такие.

Расширение Пантикапейского государства за пределы полисных границ во времена Сатира I — Левкона I вызвало перенесение второго, неофициального названия города на все новое политическое пространство по обе стороны пролива³⁷, а потом и дальше. В этом названии в полной мере отражается дуализм власти тиранов: с одной стороны, связь с полисными традициями, с другой, — авторитарный характер власти «архонтов»³⁸ над завоеванными территориями. В то же время оно точно отражало географическое положение нового государства. Во всяком случае название «Боспор» как название страны вторично по отношению к политической номенклатуре. Такое понимание проблемы снимает вопрос об искусственном при-

³⁷ Имеются прямопротивоположные точки зрения (*Подосинов А.В.* Еще раз о происхождении имени города Керчи // *Античный мир. Византия: к 70-летию проф. В.И. Кадеева / В.Ф. Мешеряков (ред.)*. Харьков, 1997. С. 162; *Молев Е.А.* Термин «Боспор» у Диодора // *Античный мир. Византия. К 70-летию проф. В.И. Кадеева / В.Ф. Мешеряков (ред.)*. Харьков, 1997. С. 145; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 1997. С. 27), их критику см.: *Завойкин А.А.* Боспор: Пантикапей и территориальное государство // *Таманская старина. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.) / С.Л. Соловьев, Г.Р. Цецхладзе (ред.)*. СПб., 2000. С. 35–36.

³⁸ Необходимо подчеркнуть, что нет доказательств существования титула «архонт Боспора» (только — «архонт Боспора и Феодосии...» (*Соколова О.Ю., Павличенко Н.А.* Новая посвяtitельная надпись из Нимфея // *Hypoboreus*. 2002. Vol. 8. Fasc. 1; *КБН 1111* и т. д.)). Не исключено, что и титул архонта был принят Левконом I с момента завоевания Феодосии. В таком случае термин «Боспор» (титулатуры) фиксирует ту политическую структуру, которая предшествовала образованию территориальной монархии *Левконидов* (ибо так именуют древние авторы династию боспорских владык — *Ael. Var. hist.* 6, 13; *Strabo* 7. 4, 4; 7. 3, 8, ссылаясь на Хрисиппа. Подробнее см.: *Завойкин А.А.* Аристотель, Кл. Элиан и Спартокиды (Левкониды) // *Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конф.* Казань, 5–7 октября 2006 г. / М.С. Бобкова (ред.). М., 2006. С. 353–357).

думывании названия территориального государства, примеры чему в античном мире мне неизвестны³⁹.

Введение в раннем IV в. до н. э. официального названия «Боспор»⁴⁰ для обозначения государства Спартокидов по существу исключило возможность его использования для обозначения Пантикапея на самом Боспоре. Литературная же традиция, начиная с Демосфена (XX. 33, 36 — ок. 355 г.), отразила, по-видимому, реалии более ранней эпохи (во всяком случае, раньше конца V в. до н. э., когда Сатир I захватил Нимфей, а затем и полисы на Таманском полуострове). Скорее всего неслучайно, что вплоть до I в. до н. э. во «внешних» источниках Боспор именуется неопределенным термином «Понт»⁴¹.

Собственно, выход пантикапейской тирании за границы полиса, её породившего (Пантикапея), и образование политико-административной структуры, включившей в себя другие полисы (а затем и варварские общины), и побудили меня акцентировать внимание на том, что тирания в рамках одного полиса и тирания в политическом образовании, вобравшем в себя несколько полисов, насильственно присоединенных тиранами Пантикапея, как говорится, — две большие разницы. Потому, опираясь на аналогии (в первую очередь речь о державе Дионисия Старшего)⁴², я употребил наименование «территориальное государство», желая обозначить политическое образование иного ранга. Почему это так важно? Из-

³⁹ В сущности, без названия обходились и эллинистические монархии. В этом отношении ἡ ἀρχὴ τῶν Σελευκιδῶν «ничем не отличалось от государства Лагидов или, точнее, от всех царств, образовавшихся в результате завоеваний Александра» (в отличие от Антигонидов — «царей македонян») (Бикерман Е. Государство Селевкидов. М., 1985. С. 5–9).

⁴⁰ Не знаю, насколько правильно считать «Боспор» официальным названием государства. Во-первых, как было отмечено, никогда это название (до принятия царского титула правителями) не звучало как просто «Боспор» (только в ряду других составных частей государства, «Боспор и Феодосия...» etc. в титулатуре; «весь Боспор» в декретах Спартокидов); во-вторых, вроде бы иных примеров самоназвания «территориальных держав» неизвестно. В эту эпоху никаких официальных названий, гимнов, флагов и гербов, видимо, не было.

⁴¹ Характерно, что это наименование сменяется в литературе, начиная с периода, когда власть над Боспором получает владыка Понта — Митридат VI Евпатор.

⁴² См., например, ёмкие и точные определения Э.Д. Фролова (Сицилийская держава Дионисия. С. 140–141): «Новая сицилийская держава ... обладала новым структурным качеством, делавшим ее в корне непохожей на традиционные политические объединения греков. Решающим было то, что это государственное единство было создано усилиями новой утвердившейся в Сиракузах авторитарной власти; уже по

любленное С.Ю. Сапрыкиным словосочетание «полисная тирания», употребляемое независимо от того, о каком этапе истории государства Спартокидов идет речь, «смазывает» эту, как мне представляется, принципиальную грань.

Несколько слов о самом словоупотреблении. Конечно, выражение «держава (ἀρχή) Спартокидов» находит точные соответствия в античной традиции⁴³ и поэтому наиболее предпочтительно. Спору нет. Но при этом важно было бы корректно пользоваться такими понятиями, как «Боспорское царство» и «архонты Боспора». К сожалению, в историографии (как современной, так и прошлых веков) их нередко применяют слишком вольно: о «царях» и «царстве» говорится даже в тех случаях, когда речь идет об Археанактидах или ранних Спартокидах, «ради красного словца». В нашем случае еще важнее, что архонтат правителей «Боспора и Феодосии...» объявляют наследием полисных традиций⁴⁴. То что это не так, доказано Ю.Г. Виноградовым⁴⁵. Описательный титул «архонт Боспора и Феодосии» (именно так, не «архонт Боспора!») появился при Левконе I, собственно как и наименование самого государства — *Боспор* (не Пантикапей!). Этого термина было бы достаточно для адекватного

одному этому оно не могло быть всего лишь воссозданием в больших масштабах прежней сиракузской архе. Города, племена и территории, вошедшие в состав новой сицилийской державы, были связаны союзническими или подданныческими отношениями прежде всего с самим главой авторитарного режима в Сиракузах, а не с сиракузским полисом, и это безусловно должно было сообщить созданному таким образом политическому единству новое качество *территориальной монархии*.

⁴³ Например, для державы Дионисия, которая «официального» названия не имела, во «внешних» источниках использовалась описательная конструкция, см.: *Plato* Ep. VII, p. 327e — ἡ ἀρχὴ τῆς Ἰταλίας καὶ Σικελίας; в союзном договоре с афинянами (*Syll.*³ I, 163) использована формула: Διονύσιος ἢ οἱ ἔκγονοι αὐτοῦ ἢ ὄσων ἄρχει Διονύσιος (см.: *Фролов Э.Д.* Сицилийская держава Дионисия. С. 147–149).

⁴⁴ Например, как мы видели, С.Ю. Сапрыкин (*Сапрыкин С.Ю.* Тирания на Боспоре и градостроительство. С. 5) считает, что «архонтство» было одним из основных признаков «полисной» боспорской тирании.

⁴⁵ Исследователь подчеркивал, что титул «архонт» может приниматься исключительно как политически нейтральный потестарный термин, восходящий к глаголу ἄρχω, он не имеет ничего общего с верховной эпонимной полисной магистратурой («...отсутствие единоличной и эпонимной магистратуры — архонта в Милете и его апоикиях в архаическое и классическое время — заставляет усомниться в филиации Археанактидами (Спартокидами) этого института из политической практики Пантикапея или других боспорских городов» (*Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 412). Подкрепляются эти выводы системным разбором параллелей режима боспорских Спартокидов и сицилийской тирании Дионисия Старшего (что убедительно обосновывается «абсолютным совпадением потестарной терминологии») (Там же. С. 412–415).

обозначения державы Спартокидов, если бы мы не слишком привыкли его употреблять и в географическом аспекте, и применительно к тому времени, когда еще ни самого термина, ни государства с таким названием не существовало...

«ГРЕКО-ВАРВАРСКОЕ ГОСУДАРСТВО». Это определение довольно распространено, можно сказать — аксиоматично⁴⁶. Что же, собственно говоря, оно подразумевает? То, что в одном государстве проживают и греки, и варвары или же то, что в его состав входят полисы и территории, занятые варварскими общинами? Или же что-то более существенное, предполагающее синтез политических традиций (см. выше)?

В.П. Яйленко, например, утверждает, что «греко-скифское происхождение династии Спартокидов определило появление на Боспоре уже с конца V в. ряда черт эллинистического характера: сращивание греческой и туземной верхушки в единое правящее сословие, конвергенцию греческого и туземного миров в самых разных проявлениях жизнедеятельности... Другие проявления эллинистического толка в политической жизни Боспора разнообразны, причем иногда они возникали здесь раньше, чем в остальном греческом мире. Это появление правителей эллинистического типа (Евмел, Перисад II, Спарток V)⁴⁷, кровнородственные браки (Перисад I и Комосария, Спарток и Камасария)⁴⁸, обожествление предка-монарха (основание культа Перисада I, скорее всего, Евмелом)⁴⁹, принятие титулов-эпиклез монархами (Филотекна, Филометор), апологетика деяний царя в местной хронистической литературе (Евмел)»⁵⁰. Или еще определеннее: «У скифов соправление царей было результатом “улусного” прин-

⁴⁶ Например: *Сапрыкин С.Ю.* Тирания на Боспоре и градостроительство. С. 1 («Боспорское государство всегда характеризовалось как греко-варварское, которое получило монархическую форму правления»); *Подосинов А.В.* Возникновение Боспорского государства: от полиса к царству. С. 228 («Греко-варварский симбиоз не мог не приводить к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа»); *Чурекова Н.Б.* Еще раз к проблеме боспорской тирании. С. 323 («Левкон является создателем нового типа государственного образования — греко-варварского боспорского государства (*Виноградов Ю.А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Таманская старина. 3. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н. э.) / С.Л. Соловьев (ред.). — СПб., 2000. С. 21)»).

⁴⁷ Собственно, правители эллинистического периода. — *А.З.*

⁴⁸ Примеров кровнородственных браков в династической среде и ранее эпохи эллинизма вполне достаточно, например, см.: *Plut. Dion.* 6. — *А.З.*

⁴⁹ Ср.: *Завойкин А.А.* Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (*Strabo XI. 2, 7*) // ДБ. 2000. 3. С. 55–57.

⁵⁰ *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // *Эллинизм. Т. I* / Е.С. Голубцова (ред.). М., 1990. С. 308–309.

ципа распределения подвластной территории между членами правящего рода. Спартокиды, будучи скифского происхождения⁵¹, также практиковали этот обычай, и потому у них соправители тоже являлись носителями царского сана, а их уделы были боспорской разновидностью “улусов” кочевых скифов... Удельная власть у Спартокидов не была наследственной, как у скифов, а замещалась после смерти старшего правителя удела средним или младшим сыном верховного царя Боспора... Скифские потестарные принципы несколько трансформировались у Спартокидов ввиду наличия в царстве полисных институтов власти».⁵²

Едва ли надо доказывать, что уровень развития политической мысли и практики греков до такой степени превосходил социально-политическое развитие варварских народов (даже перешагнувших рубеж раннегосударственных форм политогенеза), что рассуждать о каком-то «синтезе» неуместно. Позволительно ли вообще здесь говорить о возможности каких-либо заимствований варварских традиций? Мне кажется, что едва ли. В области бытовой культуры, религиозных представлений и т. п. — сколько угодно, и то с определенными оговорками. Вспомним историю Скила, сына Ариапифа (*Her.* IV. 78–80). Дело здесь, видимо, не только в том, что в его жилах текла кровь матери-гречанки. И вообще генетика здесь ни при чем. Если бы Спартокиды были не родственниками скифов по крови (что вероятно), а *скифскими царями*, установившими свое господство над греческими полисами, — другое дело. Но это не так.

Н.Б. Чурекова, отметив, что Левкон был «создателем греко-варварского боспорского государства», считает необходимым обратиться «к параллелям с сицилийской державой Дионисия»⁵³...

⁵¹ Ср.: *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье. С. 418: «...Несмотря на насильственный характер переворота, новая фракийская династия едва ли изменила сущность и форму автократического режима своих предшественников».

⁵² *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху. С. 291–292.

⁵³ Ср., однако, мнение И.Е. Сурикова (К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 150), который полагает, что данное сопоставление «не вполне правомерно» (поскольку стадияльно-типологически тирания Дионисия относится к числу Младших, а Спартокидов — к числу поздних Старших тираний) и что продуктивнее будет сравнение с тираниями более ранними, например, Дейноменидов, Эмменидов и др. На мой взгляд, этот тезис исследователя нельзя оценить однозначно. Неотступное следование стадияльно-типологическому критерию (что, по мысли И.Е. Сурикова, должно правильно сориентировать нас в «стадияльно-историческом контексте» (там же. С. 149): идет ли речь о кризисе, связанном с процессом становления полиса, или же о кризисе «перезревшего» в своем развитии полиса) ставит исследователей перед весьма сложной проблемой. Мы, в данном случае, оказываемся

Похож даже сам приход к власти Дионисия, аналогична социальная опора тиранов, отношение к подвластным полисам и др. Основное же сходство, показывающее однотипность режимов Спартокидов и Дионисия, — это завоевательная политика. Дионисий, как и Спартокиды (Сатир и Левкон, прежде всего), завоевывал города и племена Сицилии...»⁵⁴. Однако никому, кажется, не пришло в голову называть «греко-варварской» державу Дионисия.

Вполне взвешенным представляется мнение И.Е. Сурикова, который так определяет роль варварского влияния на развитие боспорской государственности. «Это влияние, бесспорно, было значительным... Но заключалось оно не в том, что боспорские греки перенимали какие-то политические формы у варваров (государственная система Боспора — явление вполне греческое по своим корням и специфике), а в другом: приходилось постоянно противостоять варварам, и это диктовало определенную линию политической эволюции»⁵⁵. Полностью разделяя эту точку зрения, добавлю, что наиболее острые моменты противостояний греков и «варваров» напрямую не были сопряжены с этапами внутреннего развития полисов, в основном, они продиктованы другими закономерностями⁵⁶. И греческие государства (полисы) ради сохранения собственной идентичности были вынуждены искать и находить пути такой политической самоорганизации, которая оказывалась в этих трудных условиях наиболее подходящей для осуществления отпора внешнему врагу⁵⁷. Одним из таких путей была концентрация власти (начала военной, а затем и иной) в руках отдельной личности. На первых порах в рамках одного полиса, а затем, нередко, — нескольких

оторванными от конкретных исторических контекстов, желая лучше понять внутренне присущие закономерности развития полисов. Но развитие полисов и кризисные ситуации в них (как хорошо понимает и сам И.Е. Суриков (там же. С. 154–155)), нередко находятся в сильнейшей зависимости от причин внешних, в первую очередь — от угрозы со стороны «варваров», будь то сикулы, карфагеняне или скифы.

⁵⁴ Чурекова Н.Б. Еще раз к проблеме боспорской тирании. С. 323.

⁵⁵ Суриков И.Е. К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском. С. 154–155.

⁵⁶ О них на заседании «круглого стола» обстоятельно говорил Ю.А. Виноградов (см.: Виноградов Ю.А. Варварские миграции в истории Боспора Киммерийского // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. XXIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2012. С. 298–302).

⁵⁷ Платон (Ер. VII, р. 353) образование державы Дионисия Старшего ставил в прямую связь с карфагенской угрозой (см.: Фролов Э.Д. Сицилийская держава Дионисия. С. 5).

других, насильственно объединенных единоличной властью «тирана». Иначе говоря, как только власть правителя распространялась за пределы полиса, породившего режим его единоличной диктатуры, следует акцентировать внимание не столько на внутренних закономерностях развития полиса (становление его или «кризис») ⁵⁸, сколько на становлении монархии в форме тирании. Нет ничего удивительного в том, что именно на периферии античного мира подобные режимы появлялись время от времени ⁵⁹.

* * *

Периодизация. Не менее важным представляется в ходе дискуссии сразу же условиться, что рассуждая о характере власти на Боспоре в V–II вв. до н. э. мы не будем делать вид, что на протяжении всего этого длительного периода характер этой власти оставался неизменным. Принципы нашего ремесла не допускают того, чтобы без долгих рассуждений переносить из века в век некие «обобщенные характеристики», приемлемые для тех отрезков времени, которые наиболее освещены источниками, на периоды, сокрытые от нас «киммерийским мраком». Этой теме и был посвящен мой доклад на «круглом столе» ⁶⁰. Имеет смысл повторить основные высказанные соображения с расширенными комментариями к ним.

Поскольку нас интересует эволюция государственного устройства Боспора в рамках монархии (в ранний период), уместно заострить внимание на рассмотрении взаимоотношений центральной власти и полисов, игравших в этом процессе ключевую роль. Подчеркну, что состояние источниковой базы по этой проблеме таково, что почти на каждый конкретно поставленный вопрос практически невозможно дать содержательный и обоснованный ответ. Вместе с тем, сам состав имеющихся источников, характеризующих тот или иной исторический период, весьма показателен.

Первый период (480/79 г. — ок. рубежа V/IV вв. до н. э.): Археанактиды — первые Спартокиды — пантикапейская тирания до начала захвата Сатиром I соседних полисов (до 438/7 г., возможно, корпоративная, а позднее — с элементами корпоративности).

⁵⁸ Ср.: Там же. С. 17: «...В отличие от старшей тирании тирания младшая являлась не столько естественным следствием внутренней сословной борьбы, сколько побочным порождением внешних обстоятельств, действовавших в условиях начавшегося внутреннего разложения» (точка зрения Г.Г. Пласса).

⁵⁹ О причинах см.: Там же. С. 4.

⁶⁰ *Завойкин А.А.* Боспорская монархия: проблемы периодизации. С. 288–298.